

Скипина Ирина Васильевна

доктор исторических наук,
заведующий кафедрой документоведения
и документационного обеспечения управления
Тюменского государственного университета

Щербич Софья Николаевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры документоведения
и документационного обеспечения управления
Тюменского государственного университета

**И.К. ОКУЛИЧ: «Я НЕ МОГУ СКАЗАТЬ,
ЧТО РЕВОЛЮЦИЯ БЫЛА СОВЕРШЕННО
НЕОЖИДАННОЙ», ИЛИ О ТОМ,
КАК «РОССИЙСКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
ОКЕАН» ВЫШЕЛ ИЗ БЕРЕГОВ**

Аннотация:

В центре внимания авторов – воспоминания томского губернского агронома, общественного и государственного деятеля И.К. Окулича, который после революционных событий 1917–1922 гг. покинул родину и жил в эмиграции. Рукопись его воспоминаний хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Мемуары Окулича носят содержательный характер, в них нашли отражение события, развернувшиеся в России в период 1917–1922 гг. Ко времени их написания мемуарист имел большой жизненный опыт: сначала учился за рубежом, после работал губернским агрономом, являлся царским чиновником в Министерстве земледелия. После Февральской революции стал членом Временного правительства, знал многих известных людей своего времени: Вологодского, Пришвина, Прянишников, являлся особоуполномоченным Российского правительства Колчака по финансовым вопросам в США, Англии и Франции. Он делал все от него зависящее для смягчения ситуации, сложившейся в революционной России, но изменить положение ему не удалось. И.К. Окулич эмигрировал и всю жизнь старался осмыслить пережитое в 1917–1922 гг., но так и не признал власти большевиков.

Ключевые слова:

И.К. Окулич, воспоминания, революция, 1917–1922 гг., эмиграция, Февральская революция, Временное правительство, Гражданская война, большевики, А.В. Колчак.

Skipina Irina Vasilyevna

D.Phil. in History,
Head of the Document Science
and Records Management Department,
Tyumen State University

Shcherbich Sofya Nikolaevna

PhD in History,
Associate Professor, Document Science
and Records Management Department,
Tyumen State University

**I.K. OKULICH: 'I CANNOT SAY
THAT THE REVOLUTION HAS BEEN
TOTALLY UNEXPECTED,'
OR HOW THE 'OCEAN OF RUSSIAN
PEOPLE' BROKE DOWN**

Summary:

The authors focus on the memories of the Tomsk provincial agronomist, public and state figure I.K. Okulich, who after the revolutionary events of 1917–1922 left his homeland and lived in exile. The manuscript of his memoirs is kept by the State Archives of the Russian Federation. Okulich's memoirs are informative in nature, they reflect the events of 1917–1922 in Russia. By the time the memoirist wrote them, he had a great life experience. First, Okulich studied abroad. Then he worked as an agronomist in the provinces. He was a tsarist official in the Ministry of Agriculture as well. After the February Revolution, Okulich became a member of the Provisional Government. He knew many famous people of his time: Vologodsky, Prishvin, Pryanishnikov. Okulich was a special representative of the government of Admiral Kolchak responsible for financial oversight in the United States, Great Britain and France. He did his utmost to mitigate the situation in revolutionary Russia, but he was unable to change it. I.K. Okulich emigrated and spent his whole life trying to comprehend what he had experienced in 1917–1922. However, he had never recognized the power of the Bolsheviks.

Keywords:

I.K. Okulich, memories, revolution, 1917–1922, emigration, February Revolution, Provisional Government, Civil War, Bolsheviks, A.V. Kolchak.

Первая мировая война и последовавшая за ней Гражданская война стали для мировой истории знаковыми, во многом определившими дальнейшее развитие цивилизации. 100-летие этих событий привлекло к ним особое внимание историков и общественности. В связи с этим встали вопросы расширения источникового поля темы. Многие авторы указали на то, что остаются значительные фонды личного характера, относящиеся к этому периоду, которые пока не включены в научный оборот.

Воспоминания действительно открывают широкие возможности дальнейшего изучения революционных перемен, происходивших в 1920-е гг., и оценки их значения для мировой истории. Следует признать, что именно воспоминания были тем материалом, который создавался в ходе самих событий либо сразу после них, а авторы являлись свидетелями происходившего, что придает особый колорит этому виду источников. Они сохранили детали событий, переживания людей, субъективное восприятие увиденного. При этом свидетельства личного характера слабо

включаются в научный оборот и требуют дальнейшего теоретико-методологического исследования. На это обратили внимание доцент социологии Университета Эрлангена – Нюрнберга (Германия) Герд Себальд и специалист по американистике, доцент Университета Оснабрюка (Германия) Джатин Вагл, которые в 2015 г. опубликовали в Лондоне исследование на тему «Теоретизация социальных воспоминаний: понятия и контексты» [1].

В настоящее время история Гражданской войны воспринимается как событие, оказавшее воздействие на весь мир. В связи с этим еще более актуальным является обращение к воспоминаниям очевидцев, знавших о происходившем в 1918–1922 гг. не только в России, ее регионах, но и в европейских странах, США, Китае, Японии. Это весьма важно, так как ученые уходят от восприятия революционных событий с позиции национальных историй, увеличивают исследовательское поле за счет расширения не только временных, но и территориальных рамок. В этом отношении потенциал источников личного характера далеко не исчерпан и нуждается в дальнейшем анализе. В условиях антропологического поворота, роста интереса к роли конкретных личностей в истории появляется интерес к воспоминаниям людей, представлявших разные политические силы. Мемуары дают представления о душевных переживаниях людей из разных политических лагерей, объясняют их поведение и политический выбор в период гражданского противостояния, что помогает глубже понять суть, оценить значимость событий как для конкретных людей, так и для мировой истории.

Публикация и осмысление воспоминаний современников и участников Гражданской войны начались уже в ходе противостояния в 1920-е гг., в основном это были статьи в газетах. В последующий период интерес к источникам личного характера в России снизился, что было продиктовано ситуацией, сложившейся в стране в годы культа личности Сталина, когда воспоминания вообще перестали публиковаться и формироваться в архивные коллекции, а зарубежные архивы были недоступны российскому читателю. Только в 1960–1980-е гг. у исследователей появилась возможность работать с такими данными. Это были в основном рассекреченные материалы российских архивов.

В 1990–2000-е гг. положение в науке изменилось, расширилась проблематика исследований, ученые стали проявлять больший интерес к проблемам повседневности, ментальности, идентичности, изучать поведение конкретных людей и социальных групп, рассматривать борьбу идеологий, комплексно подходить к изучению вопросов социально-политического и экономического характера, что позволило продвинуться в изучении причин, сущности и последствий революции и Гражданской войны. Все это происходило на фоне возросшего интереса к источникам личного характера.

Сегодня в условиях большей открытости появилась возможность обратить внимание на коллекции, которые ранее были недоступны исследователям. Историки стараются использовать все имеющиеся в их распоряжении сведения, позволяющие понять противоречивую эпоху революционных перемен 1920-х гг. В этом отношении воспоминания И.К. Окулича представляют особую ценность. Значительная часть его воспоминаний – документ, насчитывающий более 80 страниц неотредактированного машинописного текста без указания даты написания под названием «Мои воспоминания», – хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Другая часть его наследия хранится в Музее русской культуры в Сан-Франциско (США).

Уже первые строки рукописи отражают эмоциональное состояние автора, переживающего за исход революционной борьбы. Рукопись создавалась на протяжении нескольких лет, но мысли о значимости этих событий волновали мемуариста всю жизнь. Текст хронологически охватывает 1917–1922 гг. и содержит множество подробностей о революционных событиях того времени, их восприятии современниками в России и за рубежом, а также некоторые сведения о частной жизни. Данные воспоминания содержат сведения не только об Окуличе, являвшемся активным участником событий, но и о его многочисленных современниках: Вологодском, Пришвине, Колчаке, Жанёне.

Об И.К. Окуличе написано мало: опубликованы его краткие биографические данные [2], переписка с Д.Н. Прянишниковым [3] и статья В.А. Росова [4]. В настоящее время в издательстве Тюменского государственного университета готовится к выходу в свет монография, включающая анализ его воспоминаний.

И.К. Окулич – уроженец Сибири (13.11.1871, станица Красноярская Енисейского края – 21.01.1949, Ванкувер, Канада). Ко времени написания мемуаров он прошел большой жизненный путь: учился за рубежом, работал губернским агрономом, являлся важным царским чиновником в Министерстве земледелия, был членом Временного правительства, хорошо знал социально-политическую ситуацию в России и за рубежом. За время прохождения службы побывал за границей с целью овладения опытом работы в сельском хозяйстве. Особенно его интересовало маслоделие, которое, по его твердому убеждению, имело огромные перспективы в России. Ознакомившись с

передовыми технологиями производства масла, он старался перенести европейский опыт на сибирскую почву, содействовал возникновению и расширению кооперативных организаций.

На момент Февральской революции 1917 г. Окулич состоял членом Совета министра торговли и промышленности. Свои воспоминания он начинает со слов: «Я не могу сказать, что революция была совершенно неожиданной для меня» [5]. Далее он высказал неуверенность в результативности деятельности пришедшего к власти Временного правительства и написал, что не видит в его составе ни одного человека, который хотел бы честно работать на пользу Отечества. Кроме того, новые люди в правительстве не знали правительственной машины, они стали окружать себя малоопытными управленцами, а это ничего доброго не предвещало. Из сослуживцев с особой теплотой он вспоминал М.М. Пришвина: «Человек он был чуждый чиновничьей среды, очень вдумчивый и наблюдательный» [6]. Окулич даже прислушался к совету Пришвина о необходимости переезда семьи подальше от революционной столицы, продал квартиру в Петрограде и перевез родственников в Красноярск. Там он увидел, что Временное правительство не контролировало ситуацию в стране: «Местные власти в лице начальников портов, производителей работ, управляющих копиями, рудниками, заводами были бессильны удерживать в своих руках дело, когда фактически не стало руководящей власти в центре государства» [7]. Под воздействием увиденного Окулич, который никогда не принимал участия в политической борьбе, вступил в партию сибиряков-областников. Ему импонировала их программа, так как в ней «не было социалистических доктрин, она стояла на реальной почве сибирских нужд, принимая государство Россию как федерацию областей» [8].

В 1918 г. Окулич принял участие в чрезвычайном областном сибирском съезде в Томске, однако заметил, что с начала 1918 г. власть стала постепенно переходить к большевистским советам, и остановить этот процесс не удавалось. Окуличу пришлось бежать из Красноярска в Лондон. О цели своей поездки он заявил следующее: «Представляя интересы крестьянства Западной Сибири, имея собственные поручения от Союза сибирских маслодельных артелей, зная о подготовительных работах в Сибири по свержению большевистских сил, являясь уроженцем Сибири и казаком Енисейского войска, я естественно сосредоточил свое внимание на работе по организации ряда мер по свержению коммунистической власти в Сибири» [9].

Вместе с тем Окулич продолжал отстаивать положение Сибири как самоуправляющейся области в составе Великой России, состоящей из автономных территорий. В справедливости этой мысли он был уверен еще и потому, что наблюдал, как ликвидация власти в центре привела к гибели всего государства, а при сильной региональной власти, по его мнению, этого бы не произошло. Окулич писал, что в это время он еще верил «в чистоту» союзников, надеялся на их искреннюю помощь, думал, что сможет помочь реализовать идею формирования Сибирского правительства и организовать сибирские финансы. Он даже разработал проект создания Сибирского государственного банка. Свою главную задачу, судя по воспоминаниям, он видел в обеспечении населения всем необходимым в повседневной жизни, например пытался наладить поставку в Россию одежды, обуви, сахара, чая, сельскохозяйственных машин. О своем опыте организации помощи России из-за рубежа он написал следующее: «Ни разу в своей последующей политической работе я не встречал среди демократии Запада людей, столь искренне желавших блага России, понимавших все величайшее зло большевизма» [10].

Будучи в Англии, Окулич встречался с представителями российской эмиграции и пришел к выводу, что она не осознала угрозы большевизма, оказалась инертна, затруднялась в оценке происшедшего в России. Непонимание ситуации, сложившееся в Восточной Европе, было характерно для правящих кругов Западной Европы и США. Сам Иосиф Константинович воспринимал эти события как трагедию, осознание которой потребует времени: «коммунизм является настолько серьезной угрозой не только для России в частности, но и для всего культурного человечества вообще, что выявление его сущности является очень важной задачей» [11].

В августе 1918 г. Окулич прибыл во Францию и остановился в небольшом отеле, где уже проживал генерал Ф.А. Лодыжевский, который помогал ему в работе. Во Франции Окулич встречался с генералом М. Жаненом, который воспринимал с особым участием сообщения о важности помощи России в условиях революции и войны. Окулич пишет, что для него было неожиданным приглашение вместе с Лодыжевским в Трианонский дворец на завтрак к генералу Болену, который представлял правительство Франции в Главном военном совете в Версале. За завтраком, по свидетельству Окулича, шли разговоры об аккредитации его в качестве представителя Сибири при французском правительстве, о необходимости создания эмиссионного банка для расчетов с Россией и привлечения в него кооперативных средств. Особенно тронуло Окулича то, что в конце беседы Болен поднял тост за Сибирь, а Окулич ответил благодарным тостом за Францию. Ему был приятен этот жест, так как он свидетельствовал о признании суверенной власти Сибири, но, «...к сожалению, через 4 месяца вместо Сибирского правительства оказалась у

власти в Сибири Директория с членами Учредительного собрания во главе, кроме вреда ничего не давшая Сибири» [12].

После визита во Францию Окулич уехал в Лондон, а потом направился в США, делая все возможное для снабжения необходимыми товарами Союза сибирских маслодельных артелей. С этой целью Окулич основал в Нью-Йорке контору союза, закупил сельскохозяйственные машины, кожи, пергамен и другие товары и направил их во Владивосток. В это время в России Директорию сменило правительство Колчака, об этом автор вспоминал следующее: «Подобные быстрые смены власти вселяли в душу определенную тревогу за будущее. Обследовав сырьевой рынок Бостона и Чикаго, я через Сан-Франциско, Японию на пароходе “Эквадор” выехал в Сибирь» [13]. Впоследствии эти события он считал первым этапом своей эмиграции.

Возвратившись во Владивосток, Окулич почувствовал, что в России власти на окраинах фактически не было, правительство существовало номинально, а Сибирь оказалась вовлечена в Гражданскую войну. Противостоящее большевикам правительство Колчака, пришедшее к власти в ноябре 1918 г., по его мнению, «представляло из себя по своей конструкции сколок правительства имперской России, с его централизацией, недоверием к местным людям» [14]. На Дальнем Востоке хозяйничали атаманы. Окулич пишет, что в Забайкалье правил Семенов, в Приморье – уссурийский атаман Калмыков, в Семипалатинской области – Анненков. Эти самозванные правители, вспоминал Окулич, поражали своей жестокостью, несправедливостью по отношению к местному населению.

Необходимость координации действий по решению вопросов Союза сибирских маслоделов потребовала диалога с представителями правительства Колчака. Окулич отправился в Омск, где сразу встретился со своим старым знакомым П. Вологодским, с которым работал в Томской губернии до отъезда в столицу. Эта встреча произвела на него тяжелое впечатление: «Я увидел перед собой не Председателя совета министров Всероссийского правительства, а типичного провинциала, каким я его знал в качестве присяжного поверенного в Томске: не имевшего государственной программы, не ориентированного в международной обстановке и, пожалуй, уставшего. Передо мной был безвольный человек, не представлявший всей совокупности дел и, по-видимому, лежащей на нем ответственности, одинаково готовый идти в роли Председателя совета министров с социалистами и монархистами» [15]. Окулич понимал, что новое правительство не решит стоящих перед ним экономических проблем. Под впечатлением пережитого в России и за рубежом Окулич написал следующее: «Мир находился и по сию пору в состоянии скрытой опасной борьбы, разрушающей культуру, понижающей уровень благосостояния народа» [16].

После встреч с Колчаком весной 1919 г. Окуличу предложили занять пост министра продовольствия и снабжения в Омском правительстве, но он отказался, так как его независимая позиция члена Казачьего совета, обладающего огромным опытом государственной службы, «имеющего связи и знающего за границу», не была приемлема для значительной части колчаковских управленцев. Кроме того, он был далек от тех вопросов, которые приходилось решать Всероссийскому правительству. Это правительство, по его мнению, оказалось политически и экономически некомпетентно, оно не занималось ни внешними, ни внутренними вопросами. Особенно его возмущала позиция властей по отношению к крестьянству, которое власти оставили на произвол.

В марте 1919 г. Окулич все-таки принял предложение Колчака стать особоуполномоченным Российского правительства по финансовым вопросам в США, Англии и Франции. К этому времени, как пишет в своих воспоминаниях Иосиф Константинович, Сибирь переживала разруху, ощущался недостаток самого необходимого, связь с центром была затруднена, Транссибирская магистраль оказалась перегружена перевозками товаров военного назначения, производство торговых сделок затруднялось параличом частных банков. С целью активизации предпринимательской деятельности Окулич разработал проект учреждения специального сельскохозяйственного банка и его устав. Представленные документы были рассмотрены и утверждены в апреле 1919 г. Колчаком, но крах белого режима разрушил и эти планы.

10 апреля Окулич, по решению диктатора, уезжает за рубеж в качестве его финансового представителя. В своих воспоминаниях об этом факте он написал, что покидал Сибирь с тяжелым чувством: «За время пребывания в Омске я видел, как нервный, не знающий страны, населения и гражданских дел Верховный правитель, несущий в себе всю ответственность за совершающееся, является лишь номинальным диктатором. Большинство дел решалось какими-то молодыми людьми, никому ранее не известными... совершено не интересовавшимися и не считающимися с интересами народных масс» [17]. Далее Окулич отмечал, что слабое, несплоченное единой программой правительство, не имеющее прочных связей с населением, было обречено, и это стало очевидно уже к середине 1919 г.

На работе Окулича в Америке негативно сказывались непризнание союзниками правительства Колчака, отсутствие единства в антибольшевистской работе в среде эмигрантов. В своем

донесении Колчаку в сентябре 1919 г. он написал, что готов быть полезным России, но принял решение отказаться от работы в его правительстве. Неудачный опыт борьбы белых с большевиками для него был очевиден, он решил остаться в США и заняться «казачьими делами»: снабжением казачьих войск сельскохозяйственным инвентарем, организацией переселения эмигрантов в США, редактированием периодического издания «Иностранные известия Союза сибирских маслодельных артелей». В 1923 г. Окулич уехал из Америки в Югославию с целью обучения своих детей в русской школе. Здесь он изучил лесной рынок Болгарии, Сербии, Греции, организовал экспорт леса в Италию и Англию, но бизнес оказался неудачным, и он потерял все свои сбережения. После более трех лет пребывания в Югославии вернулся в Америку. В последний период жизни в эмиграции продолжал заниматься сельским хозяйством, писал статьи политического характера для Шанхайской газеты «Русское эхо» и журнала «Вольная Сибирь», публиковал работы по вопросам молочного хозяйства в пражском журнале «Хозяин», издал книгу о высшем сельскохозяйственном образовании в Америке, занимался фермерством.

Судя по воспоминаниям, И.К. Окулич всю жизнь пытался понять суть произошедших в России трансформаций. О них он писал как о стихии, в которой человек теряет точку опоры, чувство берегов. В этот период «российский человеческий океан» оказался неподконтролен ни властям, ни экономическим и политическим законам, был похож на стихийное бедствие, безграничное наводнение, которое захватило людей, потерявших ориентиры, как это бывает в условиях неудач и бесконечной бесплодной борьбы. В большевистскую Россию он так и не вернулся.

Содержание мемуаров И.К. Окулича позволяет говорить о значительной ценности их как источника по истории революции и Гражданской войны в России, рассматривать события 1917–1922 гг. как цивилизационную трансформацию, оказавшую воздействие на весь мир. Возвращение в историю имен забытых российских интеллектуалов, представляющих самые разные области знания, способствует очеловечиванию прошлого, его пониманию через призму индивидуального восприятия. Воспоминания дают возможность персонифицированного подхода к истории, позволяют объяснить многие причины событий, определить силы, которые привели в движение массы людей, отрывая их от обычных забот. Изучение самоопределения людей позволяет углубить наше представление о сложном и противоречивом периоде революционных перемен.

Ссылки:

1. Sebald G., Wagle J. *Theorizing Social Memories: Concepts and Contexts*. L., 2015. 234 p. <https://doi.org/10.4324/9781315887111>.
2. Окулич Иосиф Константинович // Александров Е.А. Русские в Северной Америке : биографический словарь. Хэмпден ; Сан-Франциско ; СПб., 2005. С. 378.
3. Пакулак Д., Суринов В.М., Половинкин Н.С. Диалог ученых в переписке И.К. Окулича и Д.Н. Прянишникова. Тюмень, 1999. 90 с.
4. Росов В.А. И.К. Окулич – патриот Сибири // *Россия и современный мир*. 2014. № 4. С. 216–224.
5. Окулич И.К. Мои воспоминания. 1917–1931 гг. // ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 410. Л. 1.
6. Там же. Л. 2.
7. Там же.
8. Там же. Л. 7.
9. Там же. Л. 11.
10. Там же. Л. 15.
11. Там же. Л. 24.
12. Там же. Л. 29.
13. Там же. Л. 32.
14. Там же.
15. Там же. Л. 34.
16. Там же. Л. 36–37.
17. Там же. Л. 42.

References:

- Aleksandrov, EA 2005, 'Okulich Iosif Konstantinovich', *Russkiye v Severnoy Amerike: biograficheskiy slovar'*, Hamden, San Francisco, St. Petersburg, p. 378, (in Russian).
- Pakulak, D, Surinov, VM & Polovinkin, NS 1999, *Dialog between Scientists in the Correspondence of I.K. Okulich and D.N. Pryanishnikov*, Tyumen, 90 p., (in Russian).
- Rosov, VA 2014, 'I.K. Okulich as a Patriot of Siberia', *Rossiya i sovremennyy mir*, no. 4, pp. 216-224, (in Russian).
- Sebald, G & Wagle, J 2015, *Theorizing Social Memories: Concepts and Contexts*, London, 234 p. <https://doi.org/10.4324/9781315887111>.